

Л. А. ДМИТРИЕВ

«Книга о побоищи Мамаю, царя татарского, от князя владимерского и московского Димитрия»

Сказание о Мамаевом побоище, наиболее обширный памятник Куликовского цикла, отличается обилием дошедших до нас списков и разнообразием редакций и вариантов. Впервые классификацию текстов Сказания по редакциям и вариантам проделал С. К. Шамбинаго.¹ В результате рецензий на это исследование, и в первую очередь благодаря рецензии А. А. Шахматова,² С. К. Шамбинаго пересмотрел свою схему последовательности редакций памятника, что нашло отражение в написанном им разделе о Сказании в академической истории русской литературы.³ Новое обращение к Сказанию о Мамаевом побоище с привлечением вновь обнаруженных списков памятника позволило мне иначе поставить вопрос о последовательности редакций Сказания, определить редакцию, наиболее близкую к первоначальному виду произведения (Основную — по предложенной мною классификации, определявшуюся С. К. Шамбинаго как третья редакция), высказать ряд соображений о времени написания Сказания о Мамаевом побоище и выделить новые варианты внутри редакций.⁴ Отдельные уточнения по текстологии Распространенной редакции Сказания были сделаны Н. С. Демковой,⁵ вновь вопросы текстологии Сказания специально рассматривались в кандидатской диссертации В. С. Мингалева.⁶

Следует отметить, однако, что если в ходе изучения Сказания менялось представление об особенностях редакций произведения, о их последовательности и характере их взаимоотношений между собой, выявлялись новые варианты внутри редакций, то само разделение сохранившихся списков по редакциям повторяет разбивку текстов на редакции С. К. Шамбинаго.

¹ С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906.

² А. А. Шахматов. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго — Повести о Мамаевом побоище. — В кн.: Отчет о двенадцатом присуждении премий митрополита Макария. СПб., 1910 (есть отдельный оттиск).

³ История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, с. 215—219.

⁴ Л. А. Дмитриев. 1) К литературной истории Сказания о Мамаевом побоище; 2) Обзор редакций Сказания о Мамаевом побоище; 3) Описание рукописных списков Сказания о Мамаевом побоище. — В кн.: Повести о Куликовской битве. Изд. подготовили М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959 (серия «Литературные памятники»), с. 406—509.

⁵ Н. С. Демкова. Заимствования из «Задонщины» в текстах Распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, с. 440—476.

⁶ В. С. Мингалев. «Сказание о Мамаевом побоище» и его источники. Автореф. канд. дис. Москва—Вильнюс, 1971.

Таким образом, мы можем констатировать, что к настоящему времени по текстологии Сказания о Мамаевом побоище сделано немало: определены основные редакции памятника и основные варианты внутри этих редакций, в общих чертах построена стемма этих редакций. Но в существности мы должны признать, что вся эта большая и многолетняя работа не может считаться завершенной. Дело в том, что из-за большого объема памятника, значительного числа редакций и вариантов и обилия разночтений внутри вариантов разбивка списков Сказания на редакции и варианты проведена по составу текстов, а не путем полного пословного сопоставления всех списков, внутри каждой редакции и каждого варианта, между собой. Только после такого рода текстологического исследования всех списков Сказания можно будет составить точное, а не общее представление о первоначальном тексте Сказания о Мамаевом побоище. И лишь тогда, когда будет решен этот вопрос, можно с достаточной степенью убедительности решать проблему взаимоотношения текстов Сказания и летописной повести о Мамаевом побоище и проблему датировки памятника. До тех пор, пока такая работа не осуществится, все предположения о времени написания Сказания будут носить слишком гипотетический характер.⁷

Для выявления времени создания Сказания о Мамаевом побоище и построения литературной истории памятника в ранний период его бытования, естественно, в первую очередь представляют интерес ранние редакции и варианты произведения. Однако это не означает, что поздние редакции памятника не представляют для нас интереса. Прежде всего даже самые поздние редакции Сказания о Мамаевом побоище — это литературный факт времени их создания, и как таковой любая поздняя редакция Сказания должна интересовать историка литературы. Во-вторых, каждая редакция Сказания о Мамаевом побоище является определенным этапом многовековой литературной истории этого произведения, и в этом отношении любая из них имеет равное право на внимание исследователя. В-третьих, поздние редакции произведения должны исследоваться не менее тщательно, чем все остальные редакции, так как текстологические наблюдения над поздними редакциями всегда могут дать ценный материал и для раскрытия истории первоначальных редакций.

Сказание о Мамаевом побоище достаточно широко представлено редакциями XVII столетия. В число редакций Сказания этого времени входит дошедшая до нас в двух списках редакция, названная С. К. Шамбинаго «западнорусской обработкой» Сказания о Мамаевом побоище, а в списках носящая заглавие «Книга о побоищи Мамаея, царя татарского, от князя владимирского и московского Дмитрия».

С. К. Шамбинаго писал: «Так как западнорусская повесть произошла от 3-й редакции, то по времени она должна относиться, по всем вероятностям, к началу XVII в., к этому времени относятся и ее списки».⁸ Зависимость «Книги о побоищи Мамаея» от 3-й, или по принятой в настоящее время терминологии Основной, редакции свидетельствует лишь о том, что «Книга о побоищи Мамаея» возникла позже Основной редакции Сказа-

⁷ Вопрос датировки Сказания, особенно в последнее время, привлекает к себе большое внимание. См.: Л. А. Дмитриев. О датировке «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954, с. 185—199; Ю. К. Бегунов. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, с. 477—523; И. Б. Греков. О первоначальном варианте «Сказания о Мамаевом побоище». — Советское славяноведение, 1970, № 6, с. 27—36; В. С. Мишгалева. «Сказание о Мамаевом побоище» и его источники; М. А. Салмина. К вопросу о датировке «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРЛ, т. XXIX. Л., 1974, с. 98—124.

⁸ С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище, с. 368.

ния, а это могло быть в период от XV по XVII в. включительно, как в начале, так и в конце XVII в. Оба списка «Книги о побоищи Мамаея» относятся к концу XVII в. Сборник ГПБ, F.IV.215, в котором находится эта редакция Сказания, составлен не ранее 1682 г. (один из входящих в него текстов имеет эту дату), а второй список этой редакции, в сборнике ГПБ, собр. Погодина, № 1569, входит в число текстов, один из которых посвящен событиям 1679 г. Таким образом, оба списка «Книги о побоищи Мамаея» свидетельствуют, скорее, о том, что эта редакция Сказания возникла не в начале, а в конце XVII в., не позже 80-х гг. этого столетия.

«Книга о побоищи Мамаея» — это сильно сокращенный текст Основной редакции Сказания о Мамаевом побоище. Сокращение достигается за счет сжатого пересказа текста источника, опускания второстепенных деталей. Основная редакция насыщена нравственно-религиозными сентенциями, многочисленными обширными молитвами. И сентенции, и молитвы в «Книге о побоищи Мамаея» также отражены, но здесь предельно кратко излагается их суть. В качестве примера соотношения текстов «Книги» и Основной редакции Сказания приведем лишь один отрывок:⁹

Основная редакция Сказания

Слышав же то князь великий Дмитрий Ивановичь, яко грядеть на него безбожный царь Мамай с многими ордами и с всеми силами, неуклонно яряся на христианство и на христову веру и ревнуя безглавному Батыю, князю же великий Дмитрий Ивановичь вельми опечалися о безбожных находении. И став пред святою иконою господня образа, яже в злавии его стояще и, пад на колену свою, нача молитися и рече: «Господи, аз грешный смею ли молитися тебе, смрненный раб твой? то к кому простру уныние мое? нъ на тебя надеюся, господи, и възвергу печаль мою. И ты господи, царю, владыко, светодателю, не сътвори нам, господи, яко же отцем нашим, иже наведе на них и на грады их злаго Батыа. И еще бо, господи, тому страху и трепету в нас суще велику. И ныне, господи, царю, владыко, не до конца прогневайся на нас, вем бо, господи, яко мене ради грешнаго хочещи всю землю нашу погубити. Аз бо съгреших пред тобою паче всех человек, сътвори ми, господи, слез моих ради, яко Иезекию, и укроти, господи, сердце свирепому сему зверю». — Въсклонися и рече: «На господа уповах и не изнемогу». И посла по брата своего по князя Владимира Андреевича в Боровеск, и по все князи русские скорые гонци розослав, и по вся воеводы местныя, и по дети боярские, и по все служылые люди. И повеле им скоро быти у себя на Москве.

«Книга о побоищи Мамаея»

Взявши ведомость, князь великий московский Дмитрий, ижъ Мамай идетъ на него, ревнуючи Батию зъ гневом барзо зафрасовалси, и ставши перед образом Хрестным, над головою его стоячим, упал на колена и з плачем молилси, жебы господь бог грехи его простил и избавил землю Рускую от безбожного Мамаея. Помолившися, послал рихло по брата своего Владимира Андреевича до Боровицы и по всех князей и воевод своих.

Таков же характер соотношения текстов и в большинстве остальных случаев. Но могут быть отмечены и отрывки, которые повторяют текст источника почти в полном, не сокращенном, виде. Так, почти без сокращений и изменений воспроизводятся послания Олега и Ольгерда к Мамаю, речи великого князя московского:

⁹ Текст Основной редакции Сказания о Мамаевом побоище цитируется по изд.: Повести о Куликовской битве. М., 1959, с. 43—76. Текст «Книги» цитируется по изд.: С. К. Шамагина. Повести о Мамаевом побоище. Тексты, с. 168—190 (учитываются также и данные обоих списков «Книги»).

Восточному великому и волному царю Мамаю радоваться! Твои посаженник и присяжник Олег, князь резанский, много тя молить. Слышах, господине, яко хочещи ити на Русскую землю, на своего служебника князя Дмитрия Ивановича московскаго, огрозитися ему хочещи. Ныне же, господине всесветлый царю, приспе твое время: злата и сребра и богатства много напълнися земля Московская и всякого узорочна твоему царству на потребу...

Восточному царю, волному Мамаю. Твой посажник Олег резанский много тя молить. Слышах, господине, што хочещи ити на Рус, на своего служебника князя Дмитрия Ивановича московского, огрозитися ему хочещи. Ныне, всесветлый царю, приспе время тебе: злата и богатства много напълнися земля Московская...

Составитель «Книги о побоищи Мамаю» стремился исторически достоверные документы, каковыми он считал тексты посланий и речей князя, передать наиболее близко к тексту оригинала. Таким образом, «Книга о побоищи Мамаю» прежде всего носила характер исторически-документального повествования. Такова, во всяком случае, была концепция составителя этого произведения. Нельзя, однако, согласиться с утверждением С. К. Шамбинаго, что в «Книге о побоищи Мамаю» «сокращение коснулось прежде всего поэтических мест».¹⁰ Действительно, многие поэтические пассажи Основной редакции Сказания в «Книге» опущены, но часть из них, в сокращенной передаче, сохранилась.

Как и в Основной редакции, выезд русских войск из Москвы сравнивается с полетом соколов: «З нимь и все князи полетели з Москвы, як белыи соколы, нарядное войско». Осталась фраза, правда в переработанном виде, о стуке и грое движущегося войска: «И пошел великий князь Дмитрий, за ним все князи рускии з великимь воискомь аж стук стучить, громь гремить по ранней зоре от ихъ поезду, якъ вина пити весело спешатся». Также в переработанном контексте говорится о пришедших на поле битвы зверях и слетевшихся птицах: «Тут же почали збиратися волки стадами, выючи безпрестанно, галки и орлы от устья Дону, кричачи и ждучи битвы, лисицы брешучи и иншии звери, на кров чигаючи и на трупы». Сохраняется из эпизода испытания примет Дмитрием Волынцом поэтический образ земли, оплакивающей воинов, которых ожидает гибель в предстоящем сражении. Приобретя более сухой и сжатый вид, текст Сказания и в редакции «Книги о побоищи Мамаю» не потерял своих литературных черт.

Одной из характернейших особенностей рассматриваемой редакции Сказания является ее стиль и язык. Текст насыщен полонизмами, что отразилось и в лексике, и в фразеологии, и в грамматических категориях. Именно поэтому данная редакция Сказания была названа С. К. Шамбинаго западнорусской переработкой.

«Книга о побоищи Мамаю», как считал С. К. Шамбинаго, является совершенно оригинальным, стоящим особняком произведением, связанным лишь со своим источником — Основной редакцией Сказания о Мамаевом побоище. Наблюдения над составом рукописей, в которые входит «Книга о побоищи Мамаю», приводят к иным выводам и уточняют наше представление об этом произведении.

Сборник ГПБ, F.IV.215 давно известен в науке и неоднократно привлекал к себе внимание исследователей. Это рукопись размером в лист, писанная полууставом XVII в. В XVIII столетии сборник находился в собрании Голицына. В начале рукописи идет тетрадь из чистых, обведенных квадратной рамкой восьми листов (бумага этих листов иного характера и с иным водяным знаком, чем в остальной рукописи). К 8-му листу подклеен еще один чистый лист, но бумага этого листа такая же, как и

¹⁰ С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище, с. 367.

идущей за ним части сборника, а на обороте его (этого 9-го листа) запись почерком XVIII в.: «Летопись Голицынская. Книга хроника с летописцем № 115-й». Следующий за этим лист, пропагинированный буквенной цифирью как лист 1-й, по современной пагинации значится 2-м. На нижнем поле 2-го, 3-го и 4-го листов сохранилась владельческая запись: «Дмитрея Михайловича Галицына». В рукописное собрание ГПБ сборник поступил из собр. гр. Ф. А. Толстого, где он значился в I Отделе под № 157.

В начале сборника помещена «Кройника з летописцов стародавних...» Феодосия Сафоновича. Здесь «Кройника» отличается от других известных ее списков: в заглавии не названо имя ее составителя, время составления обозначено 1681 годом, тогда как в других списках указан 1672 год (в 1674 г. Сафоновича уже не было в живых).¹¹ Кроме того, в тексте «Кройники» по этому списку имеется несколько вставок, кроме одной (Повести об убиении Батя в Венгрии), посвященных истории Киево-Печерской лавры. За Хроникой Феодосия Сафоновича как продолжение ее следует краткая статья «О благовесту в святой обители Печерской к церковному служению, откуда он начася». Далее подряд выделяемые лишь киноарными заголовками идут тексты исторически-повествовательного характера («Повесть о житии Александра Невского», «Повесть о нашествии Тохтамышы», «Повесть о Темир-Аксаке», «Енеалогия турецкая», «Повесть о Махомете, фалшивом пророку» и ряд других). После этой, первой, части сборника, представляющей собой единое целое, с нового листа следует выделенная заставкой и киноарным заголовком «Книга о побоищи Мамая, царя татарского, от князя владимирского и московского Димитрия». «Книга о побоищи» отделяется от предшествующих ей текстов и тем, что после нее оставлено несколько чистых листов. Но этот самостоятельный текст тесно связан со всем сборником в целом: «Книга о побоищи» написана тем же почерком, каким написаны все предшествующие ей тексты, на такой же бумаге, графическое и художественное оформление «Книги» (заставка, заголовок, заголовки и инициалы внутри текста) такое же, как и остальных частей сборника. За охарактеризованной частью сборника следует группа разнообразных текстов (о происхождении названия Москвы и о московских землях, об Астраханском царстве, об убиении царевича Дмитрия Углицкого и ряд других). После этих текстов с особыми заголовками и заставками следуют два обширных текста. Первый — «Хроника о земли Полской. Отколь поляки ляхами и поляками названы суть. О перших и о дальших князех и о королах полских з историков полских в коротце собранная и руским языком списаная. Року от рожества Христова 1682». Второй — «Хроника о початку и назвиску Литвы и о князех литовских и о делах их з историков полских и русских собранная». «Хроника о земли Полской» заканчивается подборкой рассказов о событиях на Украине в 70-х гг. XVII в. Вслед за этими текстами после нескольких чистых листов следует вторая половина сборника, написанная иным почерком с собственной буквенной цифирью. По-видимому, эта часть была когда-то самостоятельной рукописью, позже присоединенной к первой половине сборника. Здесь помещен обширный текст — «Жития старозаконных святых...».¹²

¹¹ Приводим заглавие Хроники Сафоновича по этому списку: «Кройника з летописцов стародавних з святого Нестора Печерского и иных. Так же з хроник полских о Руси. Отколь Русь почалася и о первых князех русских и по них дальших настудующих князех. И о их делах. Собранная року от створеня света 7190, а от рожества Христова 1681. Месяца октоврия 27 дня».

¹² Тексты хроник Сафоновича, литовской и польской по списку ГПБ, F.IV.215 были опубликованы в библиотеке В. П. Адриановой-Перетц, входящей в настоящее время в состав библиотеки Сектора древнерусской литературы Пушкинского Дома,

А. Рогозинский, занимавшийся рукописью ГПБ, F.IV.215 в начале нашего столетия, отметил, что в этом сборнике когда-то был общий ко всему сборнику заглавный лист, от которого сохранился обратный отпечаток на предшествующем заглавному чистом листе. Исследователь восстановил эту запись, из которой явствует, что сборник был составлен в Киево-Печерском монастыре «тщанием през иеромонаха Пантелеймона Кохановского бывшим на тот час тоя ж обители економом».¹³ А. Рогозинский приходит к заключению, что Кохановский «задался целью составить „обширной синопсис русской“, возможно более полно передающий историю Руси и народов, соседних с Русью. Для осуществления своей задачи Кохановский воспользовался статьями из тех источников, которые легли в основу „Кройники“ Феодосия Сафоновича, и из тех русских летописей, которые находились у него в копии в Толстовском № 145, и из тех источников, откуда черпал материал Иннокентий Гизель для своего Синопсиса и автор Густынской летописи М. Лосицкий. Таким образом, труд Кохановского, т. е. Толстовская № 157, представляет собой не список с „Кройники“ Сафоновича, а равно и не переходную стадию от нее к „Синопсису“ Гизеля, но вполне самостоятельную летописную компиляцию».¹⁴ В целом сборник ГПБ, F.IV.215 действительно не является списком с «Кройники» Сафоновича, но та часть этого сборника, которая совпадает с сочинением Сафоновича, — это переписанный текст «Кройники» Сафоновича с механическими, по существу, вставками из текста Киево-Печерского Патерика (такой же вставкой является и рассказ о смерти Батыя). Весьма примечательно, что вставки эти резко отличаются от окружающего их текста (текста «Кройники») по языку и стилю. Это именно не переработка текстов источников, не создание на основе их своего собственного сочинения, а компиляция, составленная из разных источников. По-видимому, такой же характер имеют и остальные тексты, входящие в ту часть сборника ГПБ, F.IV.215 (первую его половину), которая является плодом творчества Кохановского. Вопрос этот требует специального изучения.

Итак, можно считать установленным, что часть сборника ГПБ, F.IV.215, предшествующая той, в которой помещены «Жития старозаконных святых...», составлена в начале 80-х гг. XVII в. экономом Киево-Печерской лавры Кохановским на основе «Кройники» умершего к этому времени Феодосия Сафоновича и ряда других текстов, в число которых входила «Книга о побоищи Мамаея» — отдельное самостоятельное произведение. Несмотря, однако, на самостоятельность этого текста, кодикологи-

имеется книга без титульного листа, без выходных данных, без окончания. (Несброшированные листы, но с остатками брошюровочных ниток, вложены в папку из серой плотной бумаги, на верхней обложке которой бумажная наклейка с надписью черными чернилами: «Синопсис Феод. Сафоновича»). Страницы 1—431 этой книги занимают три перечисленные хроники, со с. 432 по 560 идет текст «Синопсиса» Иннокентия Гизеля. Данная книга представляет собой один из случайно сохранившихся экземпляров издания, подготовленного в киевской «Комиссии для разбора древних актов» проф. С. Т. Голубевым (в конце XIX—нач. XX в.). В исследовании, посвященном изданию «Синопсиса», проф. С. И. Маслов писал об издании С. Т. Голубева следующее: «Видання це довго лежало в друкарні І. Чоколова, чекаючи передмови, р. 1922 пішло на макулатуру й мало не все загинуло. Як довідалися ми, заціліло його всього 3—4 примірники та й те не з повним добром аркушів. У примірникові, що був у нас, „Синопсису“ приділено стор. 432—588, з них бракує стор. 561—576». См.: С. І. Маслов. Етюди з історії стародруків XI—XII. У Києві, 1928, с. 22 (отдельный оттиск из «Записок істор.-філ. Відділу», кн. XX). Благодарю Л. Е. Махновца, обратившего мое внимание на статью С. И. Маслова.

¹³ А. Рогозинский. «Кройника» Феодосия Сафоновича и ее отношение к Киевскому Синопсису» Иннокентия Гизеля. — ИОРЯС, т. XV, 1910, вып. 4, с. 278.

¹⁴ Там же, с. 279. По мнению А. Рогозинского, рукопись Толстовская № 145 (современный шифр — ГПБ, F.IV.214) также составлена Кохановским.

ческий анализ его свидетельствует о какой-то связи «Книги» с «Кройникой» Сафоновича. Связь эта может объясняться тем, что автором обоих произведений было одно и то же лицо — Феодосий Сафонович. Такое предположение становится тем более вероятным, если мы сравним языковые особенности «Книги о побоищи» с языком «Кройники». Целый ряд характерных для «Книги о побоищи Мамаея» терминов, стилистических оборотов и грамматических форм столь же характерен и для текста «Кройники».

В некоторых случаях при мало понятном для читателей, по мнению автора, термине дается его толкование. В «Книге о побоищи» читаем: «Цари татарстии... своих баскаков, албо атамановъ, то есть старость над Русью постановляли». Подобного рода оборот (неоднократно) встречается и в «Кройнике»: «А сами вернулись до своих веж, то есть наметов, албо шатров».¹⁵ Прямая речь как в «Книге о побоищи», так и в «Кройнике» вводится словами «мовил», «мовячи» или «рекл». «Книга»: «Умыслил пойти на Рускую землю, мовячи...», «(Дмитрий) пошол к митрополиту... и плачучи рекл:...». «Кройника»: «Демян... прислал к Даниилу... мовячи:...», «Княгиня Олга рекла:...».

В обоих произведениях часто употребляются в одинаковом значении одни и те же полонизмы: абы (чтобы), але (но, однако), барзо (очень), башта (городские ворота), блискавица (молния), ведлуг (по, в соответствии), вдячне (с благодарностью, с почтением), дяковать (благодарить), жебы (чтобы), зась (же), звитяжить (победить), значный (знатный, благородный), ледве (едва, еле-еле), натирати (наступать, теснить), обадва (оба), поневаж (так как, потому что), пошукать (искать), поселство (посольство), прилбиза (шлем), рихло (быстро, без промедления), фрасоваться (горевать, огорчаться) и целый ряд других. Приведем несколько примеров параллельных чтений, где встречаются эти слова:

«Книга»

Родных своих братьов позабивал,
а бы ему в панстве не перешкожали.

З плачем молился, же бы господь бог грехи его простил.

А поневаж сторожи...

Архиепископ з духовными и зъ крестами стретил в баште городской.

Царь Мамай принял послов в дячне и дары.

...шабли блискают, як блискавица.

Помощью святых мученик Бориса и Глеба звитяжишъ погановъ.

Велики зась князь ледве промовиль.

Просим обадва.

И казал имь вместо прилбизы схиму зъ крестами на голове носити.

Помолявшись, послал рихло по брата своего.

Я... виделемь его зъ четьрма биючогося татарами, которыи барзо на него натирали.

Не фрасуйся, на бога в своей невинности надейся.

«Кройника»

И послали до Изяслава, а бы ляхом не казал пустошити Руской земли, а же бы взял Киев, спокойне поддаучийся, поневаж Всеслав, князь их, утекл.

Золотая башта албо золотыи ворота.

Отъехал до князя Болеслава Кривоустого, швагра своего, от которого был в дячне принятый.

Перуном назвавши, то есть богом громов и блискавиц.

И к вечеру Ярослав звитяжил Святополка братоубийцу.

Ледве утекли.

Обадва до себе скочили.

Даниил... ударил Мстивуя оцепом и зняв з себе прилбизу Пакославу...

И сам рихло Владимир живот свой побожный скончал.

Смело почали на Русь натирати, а Русь также осмелившись, книнулися на греков.

Убили его братия его... не фрасуйся о том.

¹⁵ Текст «Кройники» цитируется по рукописи ГПБ, F.IV.215.

В некоторых случаях можно отметить текстуальное совпадение целых оборотов:

Собрал барзо великое войско.
Великий князь, поднесши руки и
очи на небо, почал молитися...

Собравши барзо великое войско.
А Ярослав... стал на Алте реце...
и поднесши руки и очи на небо, рекл...

Характерны для обоих текстов и одинаковые грамматические конструкции:

Послал посла... до Мамаю.
Пошел бымь к Мамаю... и упро-
сил бымь.
Беда мне: згубилем разумь свой.

Поехал з Каменца до ляхов.
Леско пошел был королю на помоч.
Согрешилием, сыну, же не дадем
тебе Галича.

Приведенные примеры достаточно убедительно говорят о лексической и стилистической близости обоих произведений.

Одновременно с работой над «Кройникой» Сафоновича, который с 1665 г. был игуменом Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве, в те же 70-е гг. XVII в. в стенах другого киевского монастыря — в Киево-Печерской лавре — создавался «по благословению» архимандрита лавры, «пречестнаго о Христе господина отца Инокентия Гизеля», Синописис. Первое издание Синописиса вышло в 1674 г. В третье издание этой книги, вышедшей в свет в 1680 г., был включен ряд дополнительных по сравнению с первым изданием текстов, в том числе и Сказание о Мамаевом побоище. Характеризуя редакцию Сказания о Мамаевом побоище Синописиса, С. К. Шамбинаго писал: «Повесть о Мамаевом побоище, помещенная в Синописисе, представляет сокращение 4-й редакции Сказания безо всяких посторонних влияний».¹⁶

А. Рогозинский в упоминавшейся выше статье пришел к заключению, что между Синописисом Инокентия Гизеля и «Кройникой» Сафоновича нет и не может быть непосредственной связи; нет, как он считает, и непосредственной связи между Синописисом Гизеля и сборником ГПБ, F.IV.215. Имеющиеся совпадения между этим сборником и Синописисом Гизеля А. Рогозинский объясняет тем, что их составители независимо друг от друга пользовались одними и теми же источниками. Мы не будем вдаваться в подробности взаимоотношений «Кройники» Сафоновича, сборника ГПБ, F.IV.215 (его А. Рогозинский называет «Обширным Синописисом русским» Кохановского) и Синописиса Гизеля — это проблема специального исследования. Отметим лишь следующее. «Обширный Синописис» Кохановского составлялся в Киево-Печерской лавре, в числе источников составителем этого «Обширного Синописиса» была использована «Книга о побоищи Мамаю». Следовательно, «Книга» эта в конце 70-х — начале 80-х гг. находилась в Киево-Печерском монастыре. И невольно возникает вопрос: была ли известна тому, кто включал в третье издание Синописиса Гизеля 1680 г. переработку Распространенной редакции Сказания, «Книга о побоищи Мамаю»?

Прежде чем ответить на этот вопрос, остановимся на втором дошедшем до нас списке «Книги о побоищи Мамаю».

Второй список «Книги о побоищи Мамаю» — ГПБ, собр. Погодина, № 1569, — входит в сборник-конволют, состоящий из 3 рукописей XVII в. «Книга о побоищи Мамаю» включена во 2-ю рукопись сборника, зани-

¹⁶ С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище, с. 368. По принятой в настоящее время классификации 4-я редакция обозначается как Распространенная редакция.

мающую л. 33—118 об. После «Книги о побоищи», с которой начинается эта вторая рукопись Погодинского сборника, в этой части сборника находится еще 13 статей, каждая из которых имеет самостоятельный заголовок: 1) О княжении Киевском под лютым игом татарским и о князех киевских отчасти; 2) О преселении митрополита киевского в Москву; 3) О взятии stolного росийского града Киева от литовского князя Гедимина и о прилучении княжения киевского до литовского; 4) О сем, откуда два митрополиты в Росии, един в Москве, а другой в Киеве; 5) О сем, когда в царствующем граде Москве патриаршеский престол устроися; 6) О превращении великого княжения Киевского воеводства; 7) О возвращении на первое паки царственное бытие богоспасаемого града Киева; 8) О первом бесурманском приходе под Чигирин; 9) О втором бесурманском приходе под Чигирин; 10) О преславной победе над турками и татарами, бывшей на Горе; 11) О пришествии под Чигирин войск православных; 12) О возвращении войск христианских от Чигирина и о убежении турках и татарех от войск православных; 13) О приходе множества сил царских и войск запорожских к Киеву. Десять из этих перечисленных статей, за исключением первых трех, входят также в состав сборника ГПБ, F.IV.215. В этом сборнике, как и в Погодинском, они идут после «Книги о побоищи Мамаея» и в такой же последовательности, но здесь они перебиваются целым рядом других статей. Очевидно, что в числе источников сборника ГПБ, F.IV.215 и источником второй части Погодинского сборника являлась такая подборка текстов, в которой содержались «Книга о побоищи Мамаея» и 13 вошедших в Погодинский сборник статей. Последняя из этих статей посвящена событиям 1679 г. Этим годом и следует датировать составление данной подборки текстов.

Все перечисленные выше статьи Погодинского сборника составитель третьего издания Синописа включил в свое издание без изменений. Но «Книга о побоищи», видимо, не удовлетворяла его, и он обратился к другой редакции Сказания, самой обширной из всех редакций памятника, — к Распространенной. И, пользуясь текстом «Книги о побоищи Мамаея» и Распространенной редакцией Сказания, он на их основе составил свою компиляцию, в которой мы видим то соединение двух редакций-источников его сочинения, то переработку одной из них на основе текста другой, то (правда, очень редкие и незначительные) собственные пассажи.

Иногда редакция Синописа повторяет текст Распространенной редакции почти дословно, чаще в переработанном виде — в сокращении. Эти периоды чередуются с отрывками, целиком восходящими к тексту «Книги». Немало таких мест, когда мы можем говорить о соединении в одном отрывке текста и Распространенной редакции и «Книги». О проходах великой княгиней войск, уходящих на Куликово поле, в Синописе рассказывается так: «*А княгиня великая Евдокия и з снохою своею и з прочими княгинями, изыде в златоверхий свой терем набережный* смотрити на князя и, *пригнувши руке свои к персем*, нача молитися к богу, прося помощи на поганых татар, и дабы два сыны великого князя Димитриа, Василий и Юрий, не осиротели». Это очень близко к тексту «Книги»: «Княгиня зась его зь снохою своею и зь иными княгинями смотрели на поезд ихъ, взышовши на свой высокии златоверхий терем, и молилися, просячи своему князю от бога помощи на поганых татар, жебы двох сыновъ великого князя Дмитрия, — Василия и Юрия, — не пустил въ сиротство». Но отдельные (подчеркнутые) обороты в тексте Синописа восходят к Распространенной редакции: «*Княгиня же великая Евдокия* и с своею снохою и с воеводскимъ женами *взыде на златоверхий свой терем набережный*, седе и под љжными окъны, уже бо ко-

нечно зрети на великого князя. А слезы у ней лиются акы речнаа быстрина, и *сшибе руке свои к персомь* и рече...».

Об «уряжении» полков накануне битвы в Синописе читаем: «И абие великий князь Дмитрий с братом своим и с литовскими князьями Олгердовичами нача полки уряжовати, найпаче от Литовския страны воевода Дмитрий Боброк, родом Волынец, велми своих устроил чинно и благообразно. Уставленным же бывшим всем полком по достоянию, елико где подобает кому стояти, выехал великий князь с прочими князьями на место высоко...». В соответствующем месте «Книги»: «Зараз теде великий князь Дмитрии Ивановичь з братомь своимь, княземь Владимиромь Андреевичомь и зь князьями литовскими Андреемь и Дмитриемь Ольгердовичами, почали справовати и шиковати през годинь шесть; особливе з Литовское земли Дмитрии Боброкь родом з земли Волынской, барзо нарядне своих ушиковал и порядне. Князь великий зь братом своимь и зь Олгердовичами и з иншими князьями взышовши на высокое место...». В Распространенной редакции: «Начен же князь великий Дмитрей Иванович и з братом своим, с князем Володимером Андреевичем и с литовскими князьями Андреем и Дмитрием Волыгирдовичи, от шестого часа полци уряживати. Воевода же есть некто, прииде с литовскими князьями, Дмитрей Боброк, родом Волыньския земли. Вельми уставивша полци по достоянию — елико где кому подобает стоати. Князь же великий Дмитрей Иванович поим брата своего князя Володимера и литовския князи и вси князи и воеводы, и выхаша на место высоко...». Из сопоставления приведенных текстов наглядно видно соединение в Синописе текста «Книги» с текстом Распространенной редакции. Из «Книги» взята фраза о том, что Волынец «велми своих устроил чинно и благообразно» («барзо нарядне своих ушиковал и порядне»), а из Распространенной редакции фраза — «Уставленным же бывшим всем полком по достоянию, елико где подобает кому стояти».¹⁷

Особенно наглядно соединение двух текстов видно в тех случаях, когда составитель Синописа не знает, какому из текстов следует отдать предпочтение. В Распространенной редакции Сказания с дарами к Мамаю великий князь Московский посылает Захарию Тютчева. В «Книге» этот посол назван Захарием Тушининым. Составитель редакции Синописа, пользуясь двумя источниками, пишет: «...именем Захарию Тутчева или Тушинина». Такого же рода случай видим и в перечислении полководцев при разряде полков. В Синописе читаем: «А у князя Владимира воеводы: Данила Велевуж или Белеутяк». В Распространенной редакции Сказания в этом месте названо имя «Данило Белеутя», а в «Книге о побоищи» — «Данило Велевуть».

Может быть отмечен целый ряд оборотов, выражений и имен, присутствующих только «Книге о побоищи», которые попали и в текст Синописа. В Синописе, как и в «Книге», городские ворота Коломны названы «баштой городовой». Только в «Книге о побоищи» сказано, что Александр Невский «короля немецкого победи». То же находим и в Синописе. В Распространенной редакции — «короля римского». Только в «Книге о побоищи» в рассказе о чудесном явлении Бориса и Глеба говорится, что они держат в руках не только мечи, но и «свечи». То же самое — в Синописе. Только в «Книге» приводится восклицание убегающего Мамаю: «Ог Магомет!». Это восклицание повторено и в Синописе. Подобных этим примеров очень и очень много.

¹⁷ Совпадение в отдельных случаях чтений Распространенной редакции Сказания и «Книги», при отличии от Синописа, не должно нас удивлять: сама «Книга» восходит к Основной редакции Сказания, к которой в свою очередь восходит Распространенная редакция.

Из приводившихся выше примеров можно было убедиться, что по стилю и языку редакция Синописа резко отличается от текста «Книги о побоищи». Составитель Синописа даже в тех случаях, когда он непосредственно заимствует текст из «Книги», не меняя его содержания, «переводит» свой оригинал на русский язык: он заменяет полонизмы оригинала другими словами.

Подведем итоги.

Литературная история Сказания о Мамаевом побоище в редакции «Книги о побоищи Мамаия» оказалась значительно более сложной и интересной, чем это представлялось до сих пор.

Есть все основания полагать, что составителем этой редакции Сказания был Феодосий Сафонович, а время составления «Книги о побоищи Мамаия» следует относить к 70-м гг. XVII в.

Литературная история «Книги о побоищи Мамаия», как и литературная история текста Сказания в редакции Синописа, свидетельствует о большой популярности Сказания о Мамаевом побоище в конце XVII в., о широкой распространенности различных редакций этого произведения не только в Московской Руси, но и в Киеве. Повествование о победе над Мамаем на Куликовом поле воспринималось как рассказ о победе Руси над монголо-татарским игом, как памятник героического характера, имеющий большое патриотическое значение. Не случайно в «Книге о побоищи» рассказу о Куликовской битве предпослано отсутствующее в источниках «Книги» вступление, рассказывающее о монголо-татарском иге. В Синописе же повествование о Куликовской битве было помещено после рассказа о нашествии Батыея и установлении на Руси господства Орды. Составитель Синописа писал, начиная свой рассказ о Мамаевом побоище, что он счел нужным «напечатати» его «на вечную память грядущим родом», «да и прочии христоименитии вои, ревнующе толикому древних ветязей храброму против нечестиваго Мамаия мужеству, дерзновенно и сами подвизаются на врагов креста святаго силою на нем пригвожденнаго Христа господа укрепляеми».

«Книга о побоищи Мамаия» давно была введена в научный оборот. Хорошо были известны и ее списки. Но лишь исследование этой редакции Сказания с учетом данных всего состава сборников, в которых эта редакция находится, позволило уточнить литературную историю этого произведения, установить связь его с другими текстами. Этот пример наглядно иллюстрирует плодотворность одного из основных положений, выдвинутых в современной текстологии древнерусских текстов Д. С. Лихачевым, о том, что при изучении текста произведения необходимо учитывать конвой этого текста: то не случайное, а связанное с ним текстовое окружение, в котором, как правило, дошли до нас средневековые литературные памятники.